

ГАЛИНА ОРЕХАНОВА

“ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...”

Татьяна Петрова хорошо понимает, что без подлинной поэзии искусства русской песни быть не может.

Валерий Ганичев

Я с радостным удивлением открыла для себя, что для Татьяны Петровой побудительным импульсом к общению с писателями всегда были книги. Прочла “Лад” Василия Белова – и целый мир для себя открыла, увидела опору для укрепления своей позиции в профессиональной деятельности. Прочла “Русофобию” И. Р. Шафаревича, и вот уже Игорь Ростиславович вместе с его деликатной, доброжелательной женой посещает её концерты, после которых иногда они подолгу беседуют с певицей. “Он меня всегда поражал, когда я в очередной раз убеждалась, что Игорю Ростиславовичу совершенно не знакомо чувство страха. А стиль его жизни? Поразительный! Его быт архискромнен, академик с мировым именем, а к нему можно прийти в любой момент, и дверь всегда будет для тебя открыта, он даже не запирает её на замок. Как он поддерживал меня! Сам не единожды преданный учениками (общение с опальным академиком могло испортить карьеру), он старался уберечь меня, делая это крайне деликатно:

“А как ваши ученики? Не оставляют они вас?”

Как-то Татьяна приехала возбуждённая, вошла стремительно и сразу, без всяких вступлений, заговорила: “Я принесла замечательную книгу о Шаляпине! Здесь дан анализ интересов Фёдора Ивановича как книгочея. Посмотрите, как увлечённо он работал с книгой М. О. Меньшикова, работа которого “Ошибки страха” и меня ошеломила”. Я знала о том, что Фёдор Шаляпин – кумир Татьяны, но, честно говоря, считала, что интерес её ограничивается певческой стороной его жизни. Здесь открывалось другое, и я сразу же принялась за эту книгу, пытаюсь понять, что так взволновало мою певунью. Прочла книгу залпом, и вот уже мы увлечённо обсуждаем её идеи. Мысль М. Меньшикова, подчёркнутая Шаляпиным: “Долг человека проявлять любовь благородную, духовную, размеренную, с готовностью на жертвы, но жертвы нравственные. Безнравственно любить трагически, играть жизнью своей и чужой; удовлетворение своего чувства – безнравственно. Такое чувство не любовь, а эгоизм, почему и вовлекает любящих в столь тяжёлые страдания”.

– Да, да! – воскликнула Татьяна взволнованно, – это сильная мысль!

Есть в репертуаре Татьяны Петровой песня “Грусть девушки”. Она нашла её для себя очень давно, и с тех пор песня не выходит из её репертуара. Когда бы она её ни пела, неизменно в душе слушателей остаётся надолго высокое

светлое чувство. Отчего? Для народных песен свойственна “мудрая простота”, она и поселяется в нас. Но это происходит только тогда, когда певица или певец профессионально соответствует открытию, найденному в своё время Н. Г. Чернышевским: песня рождается “не из желания блеснуть и выказать свой голос и своё искусство, а из потребности излить своё чувство”. Татьяна Петрова не только это понимает, но и знает, как попасть в нужную волну, которая выходит из стихии народной жизни и потом снова вливается в неё. В мелодии песни концентрируется характер музыкальной культуры целого народа, особенности интонационного, ладового, ритмического строя. Но главное — в ней сосредоточен народный духовный опыт. И потому лучшие свои песни народ переносит из века в век. С течением жизни они приобретают множество вариантов, и текстовых, и мелодических, но главная идея песни, её нравственная составляющая сохраняется.

Слова песни “Грусть девушки” написаны Алексеем Кольцовым, любимым современником Пушкина. Кольцов как истинно русский талант безупречно улавливал народное естество, как будто брал музыку стиха из воздуха; он развил и наполнил новым содержанием песенные формы русской лирики. Академик, исследователь творчества Кольцова Н. Н. Скатов в монографии о поэте подчёркивает: “Перед нами в виде песен Кольцова пребывает некая идеальная форма народной песни”. Да и музыку песни написал не безымянный композитор, а очень популярный в своё время Гурилёв, имевший яркую индивидуальность, и, тем не менее, составители сборников песен и романсов всегда помещают “Грусть девушки” в раздел “Народные песни”, ибо неразрывны стихи Алексея Кольцова с первоосновой народной жизни.

*Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Почернел ты весь,
Что коса моя?*

В стремлении выразить тайну изболевшей души, как к живому собеседнику, обращается девушка к своему серпу, которому, как другу надёжному, только и можно доверить тайну сердечную. Мы слушаем песню, и нам представляется и знойный день, и поле, и девушка с грустными, мечтательными глазами, присевшая в траве, здесь же, на жнивье. И в нашей душе просыпается и всё более нарастает волнение: мы находим себя в ней, в этой страдальце, поглощённой огромным чувством навалившейся на неё любви, — так поёт Татьяна Петрова.

*Иль обрызган ты
В скуке-горести
По милу дружку
Слезой девичьей?*

В традиции русского поэтического мышления одушевлять предметы, окружающие быт человека, это идёт из глубин крестьянской жизни, но мы и сегодня разделяем желание девушки довериться серпу. Да, серп как орудие труда почти вышел из крестьянского обихода. Но тогда почему становится так тревожно и сладко, когда поёт об этом Татьяна Петрова? Почему так трогает наше сердце эта простая история девичьей любви? Почему мы выступаем на глазах слёзы, нежданные, непрошенные, и ты не можешь не ощущать всем существом своим, что всё это касается тебя и только тебя? И в этой песне всё — гармония. И я всей душой тянусь к родной печальной певунье, которая творит со мной чудо, вознося мою душу. Вспоминаются картины В. М. Васнецова или русские лица известных исторических полотен В. И. Сурикова... Почему мы чувствуем, глядя на них, что всё это “про нас”? Не потому ли, что память эта хранится на генетическом уровне как самое сокровенное, необходимое нам, чтобы мы чувствовали себя людьми, укоренёнными в родной земле?

Поёт Петрова Алексея Кольцова, и слышится мелодия исконной России, дыхание её земли, и откликается заложенное в нас эстетическое народное чувство.

Мысль В. Белинского, что “русские звуки поэзии Кольцова должны породить много новых мотивов национальной русской музыки”, оказалась пророческой.

И нас интересует, в первую очередь, как это пророчество воплотилось в творчестве Татьяны Петровой.

С уверенностью можно сказать, что она — единственная певица XX века, создавшая объёмный, ярчайший по красоте и стилю лирический портрет Николая Клюева. Поэт-самородок, оставивший России наследие высокой художественной пробы, он щедро обогатил русское песенное искусство, и эту его уникальность уловил чуткий и острый ум певицы. Из всего сложнейшего поэтического мира она выбрала те стихи, которые наиболее ярко воспроизводят сказочный, мифологический, порой мистический мир очарованного певца своей земли, наделённого сердцем чутким и нежным. Выстраивая песенный ряд из стихов Николая Клюева, певица создаёт необычайно яркое и колоритное полотно русской жизни. А вслушиваясь в сплетение музыки и поэзии, помноженное на голос и душу певицы, мы с радостью открываем, что перед нами разворачивается правдивая, огромного охвата и силы картина русской национальной жизни. И всё это освещено мудростью и богатством душевных переживаний.

Редкий концерт Татьяны Петровой обходится без того, чтобы в нём не прозвучала песня “Вы деньки мои, голуби белые...” на музыку В. Панченко, счастливо уловившего музыкальный строй поэзии Клюева. В результате сложилось произведение, попадая в поле которого вы воспринимаете певицу так, будто это, к примеру, Хозяйка Медной горы, и она ведёт вас лабиринтами её волшебного царства, где всё играет и сияет в отсветах драгоценных камней, — так певица вживается в образ и стилистику творчества Николая Клюева и передаёт её слушателям.

*Вы деньки мои, голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики!
Вы почто отлетать собираетесь?
Оставляете сад мой пустынею?*

*Аль осыпалось красное вишеньё,
Виноградё моё приувянуло?
Али дубы, матёрые, вечные
Буреломом, как зверем, обглоданы?*

К достоинствам певицы мы должны отнести здесь не только вкус и чутьё к образному богатству русского слова, проявленные в выборе текстов, но и понимание того, каким поэт должен предстать перед современным слушателем, практически заново открывающим для себя поэзию этого неповторимого мастера.

Надо отдать должное певице, которая потянулась всем сердцем к личности столь сложной. И прежде, чем подступить к сочинениям Николая Клюева, она прошла трудную школу постижения вершин русской поэзии, не без влияния ведущих писателей и поэтов России, таких, как выдающиеся исследователи наследия “есенинского круга” Станислав и Сергей Куняевы и Вадим Кожинов.

Не только красотой слова и пронзительностью любви к родной земле и природе покорила Татьяна Петрову поэт. Для неё этого было бы мало. В песне есть высоко ценимое ею: “Али веры ограда разрушена? Али сам я, садовник испытанный, не возмог прокормить вас молитвою?”

Вот о чём поёт душа Татьяны Петровой, вот к пониманию чего ведёт этот волшебный сказ: порушена вера? Так вслед за этим, знаете, что грядёт?

*...Что без вас с моим вишеньём станется?
Воронью оно в пищу достанется.*

*По отлёте последнего голубя
Постучится в калитку дырявую
Дровосек с топорами да пилами,
В зипунице, в лаптищах с опорками...*

Вот о чём болит сердце, о чём тревожится живая душа певицы. И она ведёт песню так, чтобы картина разрухи России, написанная в начале XX века,

становилась грозным предупреждением беспечным жителям земли Русской времён перехода в третье тысячелетие.

Известно, что на формирование духовного облика певицы Татьяны Петровой в своё время оказал большое влияние митрополит Санкт-Петербургский Иоанн.

— Он обозначил мне грань в творчестве, — уверяет Татьяна Юрьевна, — когда сказал: “Ты утешать людей должна своим пением, а не тешить их”. Какая бездна смысла в этих словах! Я стала думать об этом. Размышляла я так: как же развить то, что мне дано от природы? Господь дал мне жизнь, голос. Родители — здоровье, воспитание, нравственные ориентиры, образование. Я не уродлива, так скажем, то есть могу пользоваться своими данными. Куда их употребить? В какую сторону направить свои усилия? Может быть, надо совершенствоваться, развивая то, что получила в училище, в институте? И потом, может быть, когда-то увидеть результат воплощённым, к примеру, в своей внучке?

Ведь дети могут быть и не только кровные, но и духовные. Люблю же я Плевацкую, Русланову, Зыкину? Беру от них всё лучшее, что есть в их творчестве. Так и я схожусь кому-то. А если я буду просто продавать природой данные мне голос, внешность, какие-то сносные черты характера?! Что станет со мной? Что с душой станет? А вот так и будет: душегубство чистой воды. Так ведь? И когда я так об этом думаю, меня очень приободряют мои размышления. Хотя та же мама, которая очень жалела меня, когда замечала, как мне трудно, и которая воспитала во мне стойкость характера (может быть, даже чересчур; сама всегда все трудности брала на себя, и меня приучила), часто просила: “Танечка, доченька, пой что-нибудь полегче”. Она была обеспокоена моей судьбой, страдала, видя, как я бьюсь, словно рыба об лёд, и выбиваюсь из сил. Она очень любила, когда я пела лёгкую песенку “Черёмуха”, как искренне радовалась: “Ой! Как голос у тебя льётся!” Я очень много думаю сейчас о маме, особенно когда её не стало, и так рано...

Проницательный, отзывчивый слушатель обязательно разгадает это, едва услышит, как поёт Татьяна Петрова посвящение матери Николая Клюева, которая была талантливой сказительницей, плачущей. Какая высота в постижении судьбы народной в этих песнях, какая пронзительность в чувстве природы русского слова!

*Ноченька тёмная, жизнь подневольная,
В поле безлюдье, бесплесье да жуть.
Маётся душенька... Тропка окольная,
Выведи парня на хоженный путь.
Приснул в глаза огонёчек малёшенек,
Темень дохнула далёким дымком.
Стар ли огневищик, младым ли младёшенек,
С жаркою бровью, с лебязьим плечом?
Что до того? Отогреть бы ретивое,
Ворога тёзкою, братом назвать...
Лютное поле, осочье шумливое
Полнятся вестью, что умерла мать,
Что не ворохнутся старые ноженьки,
Старые песни, как травы, мертвы...
Ночь — домовище, не видно дороженьки,
Негде склонить сироте головы...*

Станислав Куняев в статье о творчестве почти забытого поэта, предваряющей один из первых сборников его стихов, вышедший в конце 80-х годов прошлого века и знаменующий повторное открытие Николая Клюева, подчёркивал, что “Клюев вообще по натуре был художником аввакумовского склада. То, что у другого поэта могло быть сомнением, предположением, вопросом, у Клюева почти всегда становилось ответом и вырастало до морального и эстетического императива”. Поэт Клюев до конца дней своих пронёс убеждение, что “красотой купится русская радость”, и Татьяна Петрова подхватывает именно это положение, строит на нём своё понимание основы того, с чем поэт идёт в будущее России. Певица выстраивает лестницу к нему из песен Николая Клюева:

“Посадская”, “Хороводная”, “Дума”, “Солдатка”, “Вешние капли”, и перед слушателем открывается необъятный мир Родины, и от красоты его и величия русского духа заходится сердце.

*Ты взойди, взойди, невечерний свет!
Земнородными положи завет,*

*Чтоб отныне и до скончания
Позабылися скорби давние.*

*Чтоб в ночи душе не кручинилось,
В утро белое зла не виделось,*

*Не желтели бы травы тучные,
Ветры вяли сладкозвучные...*

Творчество Татьяны Петровой выпало на трудные времена в истории России, и именно это обстоятельство заставило её концентрировать в себе лучшие силы души, направляя их в русло трудного, но благородного служения во имя созидания. “Дух народа, как и дух честного человека, высказывается вполне только в критические минуты”, – написал в своё время Белинский в статье о Кольцове. Вот эту “окольцованность” и чувствуем мы, когда поёт Татьяна Петрова, и она отражается в полной мере в мощи её прекрасного таланта.

Говоря о своих главных ориентирах в творческих исканиях, Татьяна Петрова всегда первым называет имя Надежды Плевицкой, образ которой в нашем обществе и сейчас, к несчастью, не раскрыт в достойной её таланта мере. Невольно задаёшься вопросом: а что именно привлекает незаурядную личность современного художника в народной певице прошлого века? Сумбурная, с окрасом детектива, но очень яркая и интересная, а по большому счёту – трагическая судьба, о которой современные СМИ рассказывают, не забывая потоптаться на пикантных подробностях? Нет! Категорически нет! Здесь Татьяна Петрова определённа: “Как не стыдно опозлять трагическую жизнь уникального по характеру и таланту русского самородка?! Ведь это была Плевицкая, которая первой вывела на профессиональную сцену русскую песню! Она покорила содержанием этой песни и силой своего народного дарования буквально всю Россию сверху донизу, её пением восхищались все сословия русского общества начала XX века!” Силой своего таланта она задевала современников не на шутку. О “великолепии её чудовищного голоса” писал Владимир Набоков. Не без злой иронии сноба, он рассказывал о том, что “в артистической Фёдора Шаляпина висела её фотография: осыпанный жемчугами кокошник, подпирающая щёку рука, спелые губы, слепящие зубы и неуклюжие каракули: “Тебе, Федюша”.

О Надежде Плевицкой написано сегодня уже довольно книг. Из них можно почерпнуть следующее: “Девочка из деревни Винниково Курской губернии, послушница монастыря, в пятнадцать лет сбежавшая в балаган, а в шестнадцать – в кафе-шантан, певшая купцам в трактирах и государю в Царском Селе, снискавшая всероссийскую славу... История Золушки, для которой доброй феей стала песня! Она была женой польского балетного танцовщика, красного командира и белого генерала. Она умела безумно любить: за одним из своих любимых она пошла на фронт, переодевшись в мужскую фельдшерскую форму, а ради другого согласилась на преступление и погибла... Во имя любви? Во имя идеи?” (Елена Прокофьева, “Надежда Плевицкая”, серия “Женщина – миф”, изд. “Русич”, Смоленск, 2000). Но почему в этих книгах не говорится о том (или говорится очень мало), как ей удалось сделать доселе, казалось, немислимое: народной песней “сломать” предрассудки. “Она заставила знать и прочих “Божьих тварей” всех сословий поклоняться “русской бабе (каковой она и была изначально)”, – язвительно напоминал Набоков. Люди на концертах народной певицы не могли не рыдать и не стенать до самоотречения, не в силах унять разгулявшиеся чувства. О той силе духовного наполнения и сосредоточенности, с которыми Надежда Плевицкая каждый раз выходила к публике, как на эшафот, может рассказать только её песня. А об отношении к жизни и главных её приоритетах в ней, о доброте, широте,

душевности — она сама в двух написанных ею небольших автобиографических книжках. “Несравненная! Божественная! Восхитительная!” — так называли её в пору торжества её всенародной славы. А она писала в начале Первой мировой войны: “Ах, я ничего не понимала в политике и удивилась: какое отношение имеют мои вещи к убийству чужого принца в Сербии? И не знала я, что надвигается на нас горе великое. Вот оно грянуло — и содрогнулась земля, полилась кровь. Слава вам, русские женщины, слава вам, страдальцы! Вы отдали всё дорогое отечеству.

Россия закипела в жертвенной работе, всё сплотилось воедино, никто не спрашивал, како веруешь, — все были дети матушки-России. . .

Я сбросила с себя шелка, наряды, надела серое ситцевое платье и белую косынку. Знаний у меня не было, и понесла я воину-страдальцу одну любовь.

В Ковно, куда пришла внеочередная 73-я пехотная дивизия, я поступила в Николаевскую общину сиделкой и обслуживала палату на восемь коек. Дежурство моё было от восьми утра до восьми вечера. К нам поступали тяжело раненные, которые нуждались в немедленной помощи.

Русский солдат! Кто не полюбит его! Русский солдат весел и послушен, как ребёнок, а терпелив, как святой. Бывало, скажешь раненому, чтобы он не стонал и не мешал соседу спать, — он сейчас и притихнет. Мне так становилось жаль его, затихшего, что я едва сдерживала слёзы. У меня не доставало крепости, какую должна иметь сестра. Я подходила к страдальцу и тихо гладила ему руку, покуда он не засыпал. . .

Я им пела для праздника.

— И откуда ты, сестрица, наши песни знаешь? — удивлялись они. — Неужто сама деревенская? —

На мой утвердительный ответ я получала предложения. В конце концов, я всей палате обещала по жребью выйти замуж, только бы выздоравливали скорее. . .

Иногда мои песни требовались как лекарство. Помню, сестра пришла однажды ко мне в палату из офицерского отделения и просила помочь ей успокоить тяжело раненого, которому даже морфий не помогает. Сидя у его постели, я тихо мурлыкала песни, и под них он затих и уснул. Я долго-долго сидела, не шевелясь, так как он крепко держал мою руку. Не раз потом приходилось мне петь ему колыбельные песни. . .”.

Обратим же внимание на то, какие песни выбрала Татьяна Петрова из репертуара Плевицкой.

“Сказ о Волге”. Широкая, раздольная, как мать-река Волга, эпическая поэма, где дух захватывает от одного лишь распева. В нём слышится такая мощь народная, такая могучая сила и красота русской вольницы, такая сила веры в достоинство земли русской, что сердце наполняется неизбывной гордостью за принадлежность к народу — владельцу силушки превеликой, способному так радоваться жизни, так воспевать родные просторы. А певица ведёт, словно старинную былинку рассказывает, всё более крепнущую мелодию, любуясь и играя её красотой и богатством:

*Собирайтесь поскорее стар и млад,
Звонко гусли говорливые гудят.
А под говор их я песню вам спою,
Быль старинную поведаю свою.
Вот так.*

Это введение в старинный сказ наполняет ваше сердце воздухом той свободы-вольницы, которая, бывало, как говорят летописи, текла-бродила в жилах народных, крепла в боях за отчужденную землю, грозною силою стояла перед врагом, уважавшим характер и нрав твоего народа.

Но вот исторические дали тускнеют, и мы становимся свидетелем и судией более близких событий:

*Было время, миновало всё давно,
Как у Волги золотое было дно,
Широка она, кормилица, была,
Далеко по ней дорога пролегла.
Вот как.*

*То не туча грозно по небу идёт,
Стенька Разин в ней струги свои ведёт,
В расписном шатре пирует атаман,
Грозно хмурится над Волгою курган...
Вот так.*

Думается, мало кого, кто хоть немного знаком с характером творчества Татьяны Петровой, беспокоит вопрос: почему она, найдя в репертуаре Надежды Плевицкой этот величественный, духоподъёмный, наполненный искренним патриотическим чувством сказ, прикипела к нему сердцем? Но почему певица сочла необходимым представить его публике именно в смутные 90-е годы? Время ли? Да самое оно и есть, в понимании Татьяны Петровой. Как луч спасительной веры! Как глас надежды! Как оживающий на глазах пример жизни твоих предков. И, наверное, не в одной голове зародится и ещё одна мысль: это что же? Надежда Плевицкая пела такие песни в Царском Селе самому царю-батюшке?! Плохо же мы знаем нашу родную историю! Однажды Вадим Кожин обронил, как плодородное семя, сакраментальную мысль: “Для понимания истории необходимо знать отечественную поэзию”. То-то! В этом смысле Татьяна Петрова – достойная ученица замечательного русского мыслителя XX века.

Как же воплощает она всё это в своей жизни и творчестве? Вскоре после того, как в 2000 году умерла её мать Галина Павловна, дочь Татьяна Петрова записала диск, где впервые принесла поклон советской песне. “Три года, как нет отца, нет теперь и мамы. И я почувствовала, что пришло время записать такой диск. Я назвала его “Нежность” и посвятила памяти родителей и их поколению. Допустим, я могла сделать это и раньше: мне предлагали, когда шоу-бизнес окончательно обанкротился и не знал, что делать. Тогда и вспомнили про советские песни – проверенные, надёжные, на них можно неплохо заработать! И пошла плясать беззастенчивая спекуляция! Я тогда встретила в штuki этот проект. Почему? Ведь в основе своей он верный. Но за осуществление его брались люди, которым чужд был высокий патриотический пафос советской песни. С профессиональной точки зрения они также выглядели постыдно, потому что даже не удосужились выучить музыкальный текст, уже не говоря о том, как был искажён образ советского времени и его человека. Понимаю: всё течёт, всё меняется.

Изменился и тип людей, живущих теперь в России и на всём “постсоветском пространстве”, как теперь принято говорить. Но для профессионала-исполнителя песни это не должно быть помехой.

Сначала проживи ту жизнь, выстрадай её, а потом берись за исполнение песен тех, о ком поёшь, не предавай их! Да, время их ушло безвозвратно. Но мы же поём песни и начала, и конца XIX века, и ещё более раннего периода нашей истории, не корёжа их внутренней сути! Те же романсы... Мы способны проникнуть в переживания, которые несли в себе люди и певцы той поры. И поэтому вывод один: изменилось ли время, не изменилось ли, но если ты не понял состояние души, отражённое в песне, не пережил чувство, заложенное в ней, песня не прозвучит. По этим причинам я тогда и отказалась от участия в проекте, и не жалею об этом. Да, это был очень выгодный проект с финансовой точки зрения, в него были вовлечены богатые и влиятельные спонсоры, которые готовы были мне помочь, но я не хотела принимать такой помощи. Моему характеру присуща поспешность, но здесь я не спешила: я спела советские песни тогда, когда выстрадала “тему”, когда передо мной уже не стоял вопрос: петь или нет, было совершенно выношенное решение – петь!

Возможно, кому-то хочется спросить: ну, и состоялось открытие чего-то нового? Может быть, с высоты набежавшего времени стало яснее, чем была обусловлена всенародная популярность советских песен? Почему они так нравились людям? Думаю, что главное состоит в том, что советские песни отражали то, чем жили люди, и основу их составлял народный характер, советский характер. Что это такое? В основе его всё тот же характер народа – сильный, не сентиментальный, окрылённый романтикой созидания, характер соборный и потому могучий. В этой связи можно вспомнить эпизод из кинофильма “Повесть о настоящем человеке”. Когда Маресьев в госпитале, пережив ампутацию ног, впал в уныние, его сосед по палате рассказал ему о лётчике Имперской

России Карповиче, летавшем без ступни. Сам смертельно больной и тяжело страдающий от невыносимых болей, этот мужественный военный человек (его играет колоритный русский актёр Николай Охлопков) находил в себе силы, преодолевая боль, думать о людях и поднимать в них силу духа. Настоящий человек, силой своего примера он вселял в них надежду. И на сомнения Маресьева в том, сможет ли он летать без обеих ног, отвечал: “Но ведь ты советский человек!” И советский лётчик Алексей Маресьев повторил это военной медицинской комиссии, когда та вынесла вердикт “Летать нельзя!”: “Но ведь я – советский человек!”

Я вспоминала своё детство, вспоминала, как дружно и с каким упоением пели мои родители и их друзья, когда собирались на праздники, и понимала, что обязана отдать советской песне дань любви, уважения и признания. Я глубоко переживала это своё возвращение в детство, но уже в другом качестве, и понимала, какую огромную ответственность беру на себя, приступая к записи диска. Работалось трудно, я была не очень довольна собой, всё время искала верный тон в каждой песне. Мне всё время хотелось вернуться к уже записанному, что-то поправить, что-то доделать. Я мечтала состояться и в этом, как бы ни было трудно. Ведь у меня всё-таки другое творчество: я очень люблю петь русские народные песни, люблю романсы, очень люблю петь поэтические тексты русских классиков”.

Песенной русской классикой давно стали народные песни “Ухарь-купец”, “Лучинушка”, “Во пиру ли я была” и, наконец, “Шумел камыш”, которые вошли в репертуар Татьяны Петровой из песенной сокровищницы Надежды Плевицкой.

— Обо всех этих песнях, хотя и очень разных и по вокализации, и по мелодии, всё же можно говорить как о песнях-романсах, в которых чуть по-новому претворяется в мелодии русский распев, а также особая вокализация отдельных слов текста. Это в полной мере, в первую очередь, мы можем отнести к “Лучинушке”, – разъясняет Татьяна Юрьевна, – и отчасти к издавна очень популярной в народе песне “Шумел камыш”, и, конечно, той, что названа “Во пиру ли я была”, покорившей в своё время Ф. И. Шаляпина настолько, что он позаимствовал эту песню у Плевицкой, создав для себя “мужской вариант”, известный как “Вдоль по Питерской”. Что же касается темпераментной музыки песни “Ухарь-купец”, то здесь, по всей видимости, нужно говорить о единстве жанрового своеобразия с выразительностью музыкально-поэтического образа. Здесь музыка выступает, скорее, как средство психологической характеристики.

Хотелось бы подчеркнуть одну приметную особенность нашего времени. Когда Татьяна Петрова привнесла в свой репертуар знаменитый, как теперь принято выражаться, шлягер “Шумел камыш”, многие восприняли это настроенно: слишком “запетою” была эта песня, если не сказать категоричнее – опошленной постоянным обслуживанием загулявших компаний. Помню, как трудно было певице вводить песню в концерты, и чтобы не отпугнуть публику, Татьяна Юрьевна, прежде чем запеть, обязательно рассказывала о Плевицкой, о её трудной судьбе, и только потом, с просьбой о доверии обращаясь к залу, она говорила: “Вашему вниманию предлагается совсем иной вариант песни, тот, который пела Надежда Плевицкая”. А дальше, когда, наконец, песня вступала в свои права, слушатель попадал в глубины такой человеческой драмы, что замирало сердце. Певица умела не просто заинтересовать слушателей, она с такой искренностью отчаяния и боли пела о поруганной чести молодухи, доверившейся силе покорившего её чувства, что слушатели мгновенно превращались во внимающих, понимающих, сострадающих грешнице доброжелателей. Песня побеждала пошлость на каждом концерте. И, в конце концов, одержала полную победу певица. Здесь хотелось бы подчеркнуть и ещё одну особенность названных произведений: все они – своего рода законченные одноактные пьесы, в которых соблюдены законы классического жанра, то есть это полноценная драматургия с завязкой, кульминацией и развязкой. И певица, как истинно драматическая актриса, играет эти драмы с полной отдачей, не только создавая впечатляющие образы, но представляя их в развитии со всем психологическим наполнением и достоверностью.

Начало XXI века отмечено в судьбе Татьяны Петровой не только невероятным творческим взлётом, ознаменованным и чрезвычайно смелым расширением репертуара, вплоть до оперных арий, и успешной попыткой записать

серию дисков, в которых певица представила диапазон своих приоритетных увлечений и открытий, не говоря о серии блистательных выступлений в переполненных концертных залах. Есть диск, посвящённый сугубо народной песне, есть — полностью отданный романсу, но диски, где превалирующая роль отведена музыкальным произведениям, в основе которых лежит русская классика, не содержат всё-таки категорических жанровых разграничений. Дело в том, что провести эту грань очень трудно, ибо «своеобразие жанра «русская песня» в творчестве русских композиторов связано с основным процессом выявления особенности русской песенной лирики». Эта мысль принадлежит автору книги, выпущенной в 1956 году в издательстве «Академия наук», В. А. Васиной-Гроссман, где представлено серьёзное и обстоятельное исследование под названием «Русский классический романс XIX века». Это своеобразие и является тем духовным стержнем, на котором держится песенная русская классика. Учитывая это, Петрова, выстраивая каждый раз программу очередного диска, идёт от духовного наполнения произведений, которые она включила в программу, и это и определяет общую концепцию диска, собирающего воедино необходимые краски в мозаичном полотне программы, объединённой общей идеей. Показательно, что XXI век выявил в Татьяна Петровой особую тягу к героической теме. В её репертуаре как одно из ведущих произведений и как камертон, определивший общее направление развития музыкального и смыслового движения, появляется «русская народная песня на слова К. Рылеева «Ермак», как обозначено в программке. Вот где смешение понятий, как может показаться на первый взгляд. Но нет! Недаром Васина-Гроссман подчёркивает: «В русском романсе (а на наш взгляд, это музыкальное произведение, как оно выразило идею личности Ермака, тяготеет к романсу) тема личности неотделима, как и во всём искусстве русских классиков, от темы родины, темы народа». Как серьёзный музыковед Васина-Гроссман настаивает (и в этом она, безусловно, права), что события в России, связанные с Отечественной войной 1812 года, вызвавшие духовный подъём небывалой силы, определили и направление развития русской музыкальной культуры. И поэты, и композиторы опирались на русскую народную песню. Более того, ведущую роль в том, какой широкий интерес был проявлен в то время к русской песне, играли художники, связанные так или иначе с декабристским движением. «Народная песня ими оценивается как выражение характера народа и его исторической судьбы».

*Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...*

*Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...*

Предваряя цикл произведений под общим названием «Думы» («Ермак» из их числа), Кондратий Рылеев сосредотачивает внимание читателей на мысли, что «напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для боя ратников, мужей доблестных для совета»... Эту самую цель имел и я, сочиняя «Думы». Татьяна Петрова, пройдя самыми рискованными дорогами, где «в поле безлюдье, бесследье да жуть», как писал Николай Клюев, пробираясь к правде жизни порой тропами смертельными, обстреливаемыми, что раскинулись по России конца XX века, в поисках единственно верного пути, предназначенного ей историей, здесь, с «Думой о Ермаке» выводит своего слушателя на «хоженный путь», завершая романс-кантату серией мощных духоподъёмных аккордов и тем самым утверждая славу жизни во имя Отечества:

*Нам смерть не может быть страшна;
Своё мы дело совершили:*

*Сибирь царю покорена,
И мы не праздно в мире жили!*

*Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны!*

“Дума”, написанная поэтом-декабристом К. Рылеевым, получила звание “народная песня”. И вот в чём объяснение этому: народный разум, приняв за основу произведение поэта, воспевшего подвиг Ермака как народного героя, “подправил” русло авторского повествования, в котором лежит пространный рассказ о том, как погиб Ермак в пучине Иртыша. Народ переставил главные акценты, отодвинув строфы о гибели за ненужностью, ибо с точки зрения народной морали главное — историческая ценность личности народного героя, и она состоит в том, что он славен как создатель России, могучий, непобедимый землепроходец, и в песне народный разум выделил именно духоподъемные строфы. Такая песня и обрела жизнь в веках как наиболее точно отразившая народные чаяния. На это и откликнулось чуткое сердце Татьяны Петровой, точно угадав, насколько это важно для России XXI века. “Чувство социальной справедливости — одна из важнейших черт национального характера русского народа. Наш народ не может быть счастлив поодиночке: ну, есть работа и кусок хлеба, а рядом нищета — можно так жить?! Меня часто спрашивают: и долго ты собираешься петь по площадям? И я отвечаю: когда на мою страну обрушился кровавый 1993-й, занесший карающий меч над русской соборностью, мне долго перед этим казалось, что соборными силами можно что-то выправить в жизни, уродливо определявшейся в конце 90-х годов. Во мне жила вера, и я пела в надежде, что своими песнями помогаю что-то изменить к лучшему. Но мой народ потерпел тяжёлое поражение, утратив в результате событий 1993 года свои социальные завоевания. Это трагедия. И я винила и себя, упрекая в том, что, наверное, слишком много уныния было в моих песнях. Со временем я нашла в себе силы понять: как бы ни было тяжело, надо подниматься на новый уровень, в страданиях, несмотря на боль и отчаяние, но надо искать смысл жизни в надежде! Песня моя обязана давать её людям”.

В этот период в концертах певицы, где бы они ни проходили — в сибирских городах, столичных ли залах, на площадях городов срединной России или в деревенских клубах, да просто на полянах, среди лесов и полей Курской губернии или, к примеру, на Урале (а таких концертов в её творческой жизни очень много) — везде звучали песни на стихи Н. А. Некрасова, не забытые в народной среде: “Что ты жадно глядишь на дорогу...”, “Меж высоких хлебов...”, “Коробейники”. Все эти песни давным-давно поются как народные, и порой в концертных программах даже имя автора стихов не бывает указано, и в этом, с одной стороны, свидетельство истинности народной сущности песни, с другой — прослеживается заносчивая небрежность недостаточно культурных составителей программки. Ведь, к примеру, “Коробейники” — это же целая поэма, имеющая посвящение от автора “другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии)”, более того, академическое издание собрания сочинений Н. А. Некрасова даёт примечательный комментарий:

“Коробейники” знаменуют собой новый этап в творчестве Некрасова: до той поры он много писал о народе, но его стихи для народа начались именно этой поэмой”.

С такими вот песнями народная певица Татьяна Петрова ездит по городам и весям глубинной России. “Та мелодия, что жива в людях на подсознательном уровне, едва коснувшись сердца, пробуждает его к жизни, — поясняет певица. — Когда мне задают вопрос: “Какова же твоя художественная идея, ради чего ты поёшь?” — я отвечаю: “У меня огромное желание привнести в современную жизнь национальную культуру России от её истока, показать в её полноте и развитии. Мне всё время хочется представлять образ русской женщины, которая живёт в песне, как образ матери-родины, как сердце России, преданное, любящее, страдающее, борющееся за её судьбу. И этот образ можно развивать и развивать: и в музыке, и в слове, и в драматургии. Когда мне удаётся осуществлять эту идею, во мне рождаются огромные силы, потому что это желание горячее, идущее от сердца”.

Нельзя не обратить внимания, что в исполнении Татьяны Петровой, казалось бы, так хорошо известных в народе песен мы слышим вдруг что-то совсем новое. Она и сама говорит об этом: “Нерв бесконечного поиска нового постоянно гудит во мне, не даёт останавливаться, и я этому рада, это одна из основ моего существования как певицы. Я убеждена, что, если ты художник, ты не можешь петь одно и то же постоянно, а если это так, то ты пересташь быть художником”.

Но что можно привнести нового в хорошо известную, любимую народом песню на слова Н. А Некрасова?

К ответу подойдем несколько издалека. К 180-летию со дня рождения Н. А. Некрасова Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН выпустил последний (15-й, книга 2-я) том полного собрания сочинений и писем юбиляра. По этому поводу Пётр Бекедин, крупный петербургский искусствовед, учёный-исследователь Пушкинского Дома, опубликовал статью, в которой дал весомое обоснование пониманию того, какая глубина заложена в довольно категоричном утверждении: “К читателям пришёл весь Некрасов”. Оценивая современную ситуацию (нам важно это подчеркнуть), исследователь с горечью пишет: “Характерная деталь: если тираж первого тома Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова составлял 300 000 экземпляров (и в начале 1980-х годов на него не каждому из желающих удалось подписаться), то тираж последнего тома просто мизерный – 1000 экземпляров (библиографическая редкость сразу после выхода из печати!). В этих цифрах, словно в зеркале, отразились трагедии, беды и проблемы современной России и большинства её граждан, которым сейчас “не до Некрасова” – лишь бы выжить и накормить семью. Слабым, сомнительным утешением является тот факт, что и другие русские писатели – И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, например, – издаются более чем скромными тиражами”. И в этой связи просветительскую роль певицы, включающей в свой репертуар произведения классиков русской литературы, трудно переоценить. Мы знаем, что Татьяна Петрова не любит “запетые” песни, старается уходить от них, не включая их в свой репертуар. Но в данном случае она обращается как раз к тем произведениям, которые в иной ситуации мы могли бы отнести к разряду “запетых”. Почему? Доверим Петру Бекедину ответ на это “почему”: “Не секрет, что в XX веке Некрасов очень сильно (пожалуй, как никто из русских классиков) пострадал от грехов советского литературоведения, что привело к искажению подлинного лица поэта. И в школьных учебниках, и в вузовских пособиях, и в научных монографиях, и в академических “Историях...” образ его предстал однозначным, плоским. Порой дело доходило до курьёзов...”

Полное собрание сочинений и писем позволит Некрасову говорить своим голосом, а не голосами идеологически озабоченных литературоведов-посредников. Какое счастье остаться наедине с некрасовскими текстами!”

*Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело...*

Казалось бы, ну, что нам, жителям беспокойного и стремительного XXI века, настолько перевернувшего представления о жизни, что порой и сами-то себя не узнаём, что нам до затерянной в глухой русской провинции деревни, где “застрелился чужой человек”? Но зазвучала песня, проникновенный голос певицы пробудил твою заскорузлую в ветрах погони за деньгами душу, и уже есть тебе дело и до “горя горького, что по свету шлялося”, и до того, как развивались события в связи с этим горем, которое, как оказалось, народное! В страдании, которое слышится в голосе певицы, мы чувствуем то народное отношение к горю, которое хранили и культивировали в себе люди веками как единственно верный, сердечный отклик на боль человеческую. “Ну, и зачем?” – с презрением спросит “провднутый” отпрыск новой цивилизации. Ответим с христианским смирением: чтобы не потерять облик человеческий. А песня поверяет нам дальнейший ход событий, исходит болью сострадания:

*Суд приехал... допросы... — тошнѣхонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорѣхонько
И велел где-нибудь закопать.*

*И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...*

Татьяна Петрова – единственная, кто поёт эту песню, не выбросив из неё православного содержания. Кто знает, если бы на всём протяжении XX века русские люди пели именно так, может быть, настолько, как это случилось сейчас, не ожесточились бы сердца жителей России? Задавалась ли певица этим вопросом, безусловно, важно, как важно и то, что на протяжении всей своей певческой судьбы она отдавала творчеству Некрасова часть своего сердца и умела передать слушателям это чувство в своих песнях.

Что даёт силы певице так цепко держаться за эти глубинные опоры русской культуры? На наших глазах они исчезают из поля зрения современников, смело вступающих в третье тысячелетие и безжалостно уничтожающих духовные преграды на своём пути. Как-то мы размышляли об этом, находясь под впечатлением книги Г. В. Свиридова “Музыка как судьба”, вышедшей уже после его смерти в 2002 году. Эта книга раскрыла Свиридова как крупного русского мыслителя, который, в частности, к 70-м годам прошлого века пришёл, на первый взгляд, к парадоксальному заключению: “По прошествии более чем полувека выяснилось, что искусство, которое считалось архаичным, устаревшим, оказалось смотрящим вперёд, необыкновенно современным, благодаря своему духовному космосу, вселенскости, грандиозности образов. В то время как искусство, кичившееся своим передовизмом, называвшее себя искусством будущего, оказалось безнадежно устаревшим”. Время кардинальных перемен на гребне смены веков, до которого Г. В. Свиридов не дожид, подтвердило правильность вывода гениального русского композитора. То, “передовое” искусство времён революции, начала XX века, которое бросило смелый вызов времени и, как считалось, явилось отражением обновления, поиска новизны, в условиях контрреволюции конца XX века, повторив свои претензии на обновление, вполне определённо выявило свою несостоятельность, если подходить к осмыслению его назначения как импульса к гармоническому развитию индивидуальности, в основе которой человечность.

– Я думаю, – отвечала на это Татьяна Петрова, – что всё дело в том, что это “передовое” искусство безжизненно. Почему? Да потому, что оно без корней, и наше время год за годом и всё более весомо доказывает, что его назначение – душегубство.

– Снова, как и в начале века, встаёт остро вопрос об отношениях интеллигенции и народа, и некоторые крупные художники, разочарованные в том, как развиваются события в России, да и в мире, стали предъявлять претензии русскому народу: “Народ покорился тенденции развала, не противостоит разложению, идёт на “манок” “Смехопанорамы”, потерял свою национальную сущность”, и отсюда вывод: русская культура гибнет.

– Я могу судить только по тому, как воспринимают русскую музыку, русские песни люди на тех бесконечных концертах, которые и есть моя жизнь. И мне кажется, что душа у народа не оскудела. Она живая, понимающая, страдающая, ищущая. Особенно это видно, когда смотришь людям в глаза. Они приходят на концерт, мыслями ещё оставаясь в сумятице той жизни, которая окружает их повседневно. Но вот они постепенно вживаются в то, что происходит на концерте, и шаг за шагом они освобождаются от всего наносного, и начинает происходить внутреннее преображение, и уже к концу концерта устанавливается полное доверие и понимание. Это говорит о том, что народ поражён глубоким страданием. И всё же внутренне он свободен. Ведь он же привык жить в едином духовном пространстве. А оно у него сегодня отобрано, и народ тоскует по этому духовному пространству. А когда он находит, что оно всё же не утрачено окончательно, душа оживает. Время сейчас в России страшное, разруха ужасная. А народу-то подмоги нет ниоткуда: искусство народ предаёт. И всё же меня не покидает вера в то, что жестокой ценой, но народ вернётся к себе самому, своим корням.

Я переживаю совершенное откровение, когда стою на молитве в Храме. Куда бы ни заносила меня судьба с концертами, я всегда бываю в местных храмах, и могу судить о том, что вижу и переживаю. Народ потянулся в Храм. Его захватывает молитвенная простота, красота православной службы. Тихо.

Чисто. Душа обретает равновесие, рядом с тобой стоят русские люди, и ты чувствуешь, как вас объединяет общий строй мыслей, общие мечты, надежды. Люди живут одним, и это очень большая сила.

— В книге Г. В. Свиридова написано: “Мир Бога прост. Мироздание для Бога просто, ибо ему ведомы законы, которыми мир управляется. Напротив, для нас мир сложен и непонятен в каждой детали. Ибо нам неведом его тайный смысл. Точно так же божественная простота для нас непонятна. Мы становимся в тупик перед нею из-за её непостижимости”. В продолжение этой мысли нельзя не сказать, — продолжает Татьяна, — что то, что в людях живо на подсознательном уровне, это и даёт возможность им услышать себя, понять то, что происходит в душе, и если душа будет трудиться, человек обязательно придёт к Богу, а значит — обретёт духовную опору в жизни. Я очень люблю Глинку. Ведь и до него были русские музыканты, и они слышали и народные песни, и музыку полей и лесов, звучание рек и озёр, пение птиц и рёв ветров. И они жили среди русских людей. Но понять звуковую душу России до него не смог никто. Георгий Васильевич Свиридов замечательно сформулировал это: “Глинка был первой великой личностью, художником нации, увидевшим мир и, прежде всего, Россию и народ её крупно, объёмно, разнообразно, увидел Россию как целое, как художественную идею”. Для художника очень важно, когда бы он ни жил, почувствовать не только потребность в художественной идее, но и обрести её. Видимо, мы переживаем кризис ещё и потому, что в наше время не пришёл ещё художник такого масштаба личности, чтобы услышать современную Россию как художественную идею. Но я верю, Россия откликнется на зов души народной.

... Романс “Утро туманное...” известен в России с 1877 года как цыганский. В начале XX века его с огромным успехом исполняла Варя Панина. Жизнестойкость романса поразительна, он и в наши дни всевластия грохочущих ритмов не затерялся и довольно часто исполняем как любителями, так и профессиональными певцами. Когда поёт Татьяна Петрова, мы приближаемся к постижению этой тайны. Она выбирает в себя ту глубинную распеваемую, которая заложена в слог русского поэта как отражение песни души, выводит музыку композитора в ту интонацию, которой определяется мелодия русской песни.

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...*

Ну, где ещё русская душа может так расправиться, так воспарить, как не в бескрайних русских просторах?! Ведь это они и пьянят, в них утопают сердце, потому и закружилась голова цыганская, сразу уловившая заложенную в стихе необъятную жажду свободы. А русская грусть, пьющая, как эликсир жизни, и этот туман, и влажный сырой воздух нивы печальной... Как тревожит певица твоё сердце этим голосом русской грусти! И историю восходящей любви Татьяна Петрова поверяет нам с нежностью, даря и возможность почувствовать огонь любви в тихих звуках любимого голоса, и пережить буйство сдерживаемой страсти.

И снова ты погружаешься в бесконечность русских далей. И тебе хорошо дома, в России.

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая ропот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое...*

В исполнении Татьяны Петровой романс воспринимается скорее как элегия. Как утверждает Васина-Гроссман, “элегия привлекла живое внимание русских композиторов. И если с “русской песней” в музыкальную практику вошла народно-песенная интонация, то элегия вводит в русский романс интонацию русской поэтической речи, находившейся тогда в поре своего первого пышного расцвета. Особенно значительную роль сыграло обращение композиторов к поэзии Пушкина”. То есть Татьяна Петрова, обращаясь к высокой поэзии, поднимается как художник на более высокий уровень постижения жизни. В этой связи важно подчеркнуть и то, что она предпочитает выбрать стихи

А. С. Пушкина “Если жизнь тебя обманет. . .” на музыку А. Алябьева. Хотя существует и красивая музыка Глиера, поводом к написанию которой также стали эти стихи поэта.

Весной 2003 года мы вместе отправились в Крым. Нам удалось устроиться на территории “Артека”. Корпуса и территория лагеря были совершенно пусты, покорила необычайная тишина: не слышалось переключки детских голов, дающей жизнь лагерю, он был “закрыт на реконструкцию”. По этой причине мы получили возможность подолгу гулять в сказочном парке, окружающая “пустынный” которого словно отражала смутное время, которое мы остро переживали, хотя и каждый по-своему. На берегу моря, вдаль от суетной Москвы, нам показалось на миг, что пришло умиротворение. И однажды, выйдя к Пушкинской скале, мы долго стояли молча, слушая шум прибоя, море бурлило, каждый думал о своём. Неожиданно Татьяна запела:

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

Мелодия, которую она вела, легко и свободно ложилась на густую, прохладную морскую волну, мерно накатывающую на скалы.

Она пела, не напрягаясь, её чистый, звонкий, с мягкими обертонами голос лился ровно, согласно тому, как весь круг музыкально-выразительных средств романса отражал внутреннюю музыку стиха Пушкина. И всё же всё её существо было обращено туда, в дали морских просторов. Я замороженно слушала, чувствуя, как выпевает она смятение, теснившее душу. Было очевидно, что совсем нелегко ей это даётся — достичь смирения, о котором она пела. Что искала душа её, мятущаяся за горизонтом? О чём тосковала? К каким высотам стремилась?

Она, как всегда, ничего не объясняла, когда романс завершился, да я и не торопилась узнать, что встревожило её душу. То неожиданное открытие, что вылилось в пении (меньше всего я понимала его как что-то сугубо личное), настолько заполнило всё моё существо, что я почувствовала, будто вылетела из сердца белая чайка и закружилась над ликующей пеной морской, обнимая воздушным кружевом Пушкинскую скалу. Только значительно позже, вернувшись в Москву и обнаружив, как вплетён этот романс в чётко выстроенную программу её музыкального диска, я поняла значительно больше, что в теснине скал выпевала её душа. Открылось многое, пришло вдруг понимание, почему сейчас не обращается она к романсам широко известным, хотя многое в этом собрании русских музыкальных сокровищ близко ей по духу. Она выбирает свой путь. Тему лирики Пушкина открывает вальс С. Прокофьева. Он словно вводит нас в чертог грусти, сомнений, страданий. Вальс, исполненный музыкантами без участия музыки её голоса, не воспринимается, однако, как что-то отдельное от неё. Напротив. И приходит понимание психологической роли музыки танца в русском романсе, она выделяет лирическую тему в характере произведения как ведущую в нём струну. Этот вальс готовит нас к восприятию тайны:

*Под вечер, осенью ненастной,
В далёких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо — лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом...*

Что побудило Татьяну Петрову обратиться именно к этому юношескому (написано в 1814 году, когда Пушкину едва исполнилось 15 лет), произведе-

нию, к тому же почти забытому на Родине? Певица даёт романсу новую жизнь. И делает это в пору, когда в России властвует стихия нравственного распада, и трагическая история молодой матери, от безысходности оставившей “плод любви несчастной” у чужого порога, не новость в “новой России”. Следуя давно принятому для себя правилу – делить со своим народом его беды, какими бы страшными они ни были, – Татьяна Петрова верна себе. В её понимании романс превращается в высокую трагедию, поведанную слушателю со всем отчаянием и болью проникновения в тайну измученного сердца, на которую способна только отзывчивая, добрая и сострадающая душа. Более того, мы начинаем понимать, слушая певицу, как история грешницы становится символом глубокой душевной болезни народа, чувствуем, как это мучает певицу. Но разве так уж необходимо было обращаться именно к Пушкину, чтобы “поднять острейшую проблему современности”, как говорят политики? О, поверьте, есть здесь резон, есть! И он состоит в том, как мудро разъяснила Т. М. Глушкова 6 июня 1993 года, что “Пушкин был очень русский человек и воистину сын России, сын русского народа. . .

Я – это не просто я, но я – в кругу всех моих живых и мёртвых, в цепи поколений, в кругу павших, трудившихся, создававших и, кстати, задолго до меня читавших Пушкина и любивших его. Я могу не знать каждого из моих предков и даже – я не могу всех их знать: это же целый народ!

Но ощущать себя в таком многолюдном круге, в сфере духовной энергии соотечичей, живших прежде меня, ощущать токи их страданий и славы – радостно. В этом полнота, и это внутренне облегчает путь. Но вместе с тем и обязывает. Ибо как огромна ответственность человека, который чувствует, знает, верит, что на его поступки, дела смотрят незримые очи бывших и сущих соотечественников!”

Грех преступной матери. Нет ему оправдания. Но, может быть, услышав, как терзает, казнит себя героиня Пушкина, как бьётся в страдании и кается грешная мать (благодаря певице мы проникаем в глубины её страданий), вдруг встрепенётся наша современница, и готовая уже погубить себя душа вдруг прозреет?!

*...Ты спишь, дитя, моё мученье,
Не знаешь горестей моих —
Откроешь очи и, тоскуя,
Ко груди не прильнёшь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей...*

Возможно ли очищение через страдание? Люди верят, что возможно. Крутится диск, скрываются в дымке времени последние звуки смутившего душу романса, и новые аккорды, уже музыки А. Алябьева в романсе “Если жизнь тебя обманет. . .”, пробуждаются к встрече с тобой. И приходит озарение: душа просит возвышения, выхода на молитвенный уровень. Теперь в голосе певицы нет смятения, напротив, слышится что-то такое, что позволяет вздохнуть свободней, что укрепляет душевные силы – так певица “услышала” и поняла мысль русского гения. “. . . Величие Пушкина, – писал Достоевский в “Дневнике писателя”, – как руководящего гения состояло именно в том, что он так скоро и окружённый почти совсем не понимавшими его людьми нашёл твёрдую дорогу, нашёл великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был – народность, преклонение перед правдой народа русского. . . Пушкин по обширности и глубине своего русского гения до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением. Он великий и не понятый ещё предвозвеститель”.

В последние годы Татьяна Петрова всё чаще стала обращаться к творчеству Михаила Лермонтова. Возможно, Господь указал ей на то, что однажды высказал Достоевский, выстраивая линию укрепления традиции народности в русском искусстве. “. . . Остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного “печальника горя народного”. Во всяком случае, в том, как поёт Татьяна Петрова романс “Выхожу один я на дорогу. . .”, мы слышим этого народного печальника.

Существует компетентное мнение, что в русской вокальной лирике вплоть до 1840-х годов видное место занимают темы одиночества, неудовлетворённости,

разочарования. Тема одиночества живёт и в русском романсе, и наиболее простым и образным примером называют элегию “Выхожу один я на дорогу...” (с музыкой Елизаветы Шашиной), которая стала поистине фольклорной песней. В основу здесь легло стремление сделать музыкальную интонацию столь же общепринятой, как речевая. Возможно, именно поэтому наша певица, тяготеющая, как это мы уже успели отметить, именно к максимальному приближению авторского произведения к народной его составляющей, и выбирает его? Она поёт с оркестром русских народных инструментов, более того, музыка, им исполняемая, звучит в специальном переложении. И всё же, слушая певицу, владеющую народной интонацией как естественной для себя мы не можем не слышать особой, присущей только Татьяне Петровой трактовки широко известного произведения. Она уходит от его упрощения, напротив, усиливает значение его как элегии, наполняя не чувством разочарования и одиночества, а, напротив, духовной полнотой и, более того, радостью жизни и любви. Певица даёт нам почувствовать состояние души в стадии той духовной потребности постижения таинств мира, где стремление личности к уединению — условие творчества природы богатой и ищущей. И оттого её пение завораживает.

В 2003 году в репертуаре Татьяны Петровой появляется романс “Ангел”, музыку на стихи М. Ю. Лермонтова создал руководитель Кубанского народного хора В. Захарченко. В конце 90-х годов XX века и начале века XXI-го она много пела с этим ярким, сохранившим неподражаемый национальный колорит и стиль исполнительской манеры коллективом, неоднократно выезжала с хором в длительные гастрольные поездки. А чуть позже, уже в индивидуальном поиске, Петрова снова возвращается к М. Ю. Лермонтову. Теперь в её репертуаре появляется “Молитва”. Это стихотворение побуждало к творчеству многих русских и зарубежных композиторов. Есть романсы Глинки, Гурилёва, Листа, Направника, только в XIX веке свыше 30 композиторов написали музыку на слова “Молитвы”. Казалось бы, можно и растеряться. Татьяна Петрова выбирает музыку П. П. Булахова, и тем самым попадает в русло того духовного постижения окружающей действительности, которое найдено ею в романсе “Выхожу один я на дорогу...”. Более того, благодаря гармонии, что всегда свойственна этой певице, духовная сфера влияния её творчества в последние годы значительно расширилась. Талант её развивается стремительно, питаемый огромной работой в постижении новых высот вокального и драматического мастерства. И что особенно ценно для певицы, создающей сценический образ единолично (в театре работают на певца декорации, колорит спектакля, атмосфера оперной сцены), её художественные завоевания в искусстве воспринимаются людьми как естественное проявление огромного дарования русского самородка.

Внутренняя логика развития таланта Татьяны Петровой неизменно должна была привести её к Сергею Есенину. Что в творчестве его наиболее близко певице? Конечно, такой вопрос не мог заставить её врасплох.

— В своё время Георгий Васильевич Свиридов замечательно сказал, что у Есенина выстрадано и выверено каждое слово. Когда я пою его стихи, я переживаю такое чувство, как будто я нахожусь в высокой стадии молитвенного состояния, и каждое слово этой молитвы как-то по-особенному отзывается в душе. Я ощущаю всем своим естеством, насколько это слово страдающее, какое это кипящее в сердце слово. Это слово пронизано музыкой, и я очень жалею, что нет достойной музыки для его стихов. И тяжело переживаю, что не пришёл композитор, который бы выразил сердце поэзии Есенина. У Григория Пономаренко были удачные песни, но они “запеты”, и к ним я возвращаться не могу. Хочется открывать нового Есенина. Может быть, меня не оставит удача, когда я освою вещи, написанные для хора Георгием Васильевичем Свиридовым?

Есть в репертуаре Татьяны Петровой романс на стихи Сергея Есенина “Нищий с паперти”. Не знаю, намеренно ли певица опустила в названии слова “с паперти”? Возможно, и намеренно. Во всяком случае, короткое и хлёсткое “Нищий”, едва его произносил ведущий концерта, било, как выстрел, в самое сердце. Написанное в 1916 году, стихотворение это — сказ о грустной истории двух влюблённых, которые встречаются в церкви:

*Глаза — как выцветший лопух,
В руках зажатые монеты.
Когда-то славный был пастух,
Теперь поёт про многи лета.*

*А вон старушка из угла,
Что слёзы льёт перед иконой,
Она любовь его была...*

Что, кроме сострадания, может вызвать этот тяжёлый рассказ, что, кроме слёз отчаяния? Слушая певицу, вы углубляетесь в это горе, не видя ничего вокруг. Но при этом вы чувствуете, что ваши слёзы не жгут ваше сердце, а в душе просыпается чувство, как будто живая вода прикоснулась к сердцу. Отчего?

3 октября 1995 года Россия отмечала 100-летие со дня рождения Сергея Есенина, своего национального гения. В. В. Кожин выступил в связи с этим с глубокой статьёй, начал которую так: “В классической эстетике трагическое определяется одной из форм прекрасного, причём высших форм. Однако в жизни люди воспринимают трагедию только в негативном плане. Но ничего не поделаешь – судьба человека трагедийна. Я думаю, что в известном смысле человек рождается для трагедии, и надо осознать, надо увидеть в этом высокий жребий и, в конце концов, – я скажу несколько выпендрено – божественность человека”.

Внимательный читатель обратит внимание, что в подборе стихов Сергея Есенина в свой репертуар Татьяна Петрова повторяет путь, уже пройденный ею, когда она обращалась к творчеству А. С. Пушкина. Ещё одно произведение, недавно вошедшее в репертуар певицы, это элегия (во всяком случае, она так звучит, когда поёт Татьяна Петрова), написанная в 1924 году, то есть в самое трудное в жизни поэта время, приведшее вскоре к его трагической гибели.

*Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далёких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.*

*Для меня было всё тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст...*

Зная, как чутко относится Татьяна Петрова к красоте русского слова, как тонко чувствует её, мы могли бы сосредоточиться на этом стихотворении как примере яркой художественности. И об этом мы будем и думать, и говорить, но прежде обратимся к рассуждениям Татьяны: “Что касается Клюева, я чувствую в первоначальном становлении Есенина его руку. В их творчестве есть очень похожие пласты, думаю, Есенин полюбил Клюева за многогранность его таланта, за космос или мистичность его стихов. Мне представляется, что цельность мировоззрения Есенина складывалась под влиянием Клюева. Конечно, они очень разные, но и одинаковые в своей гениальности, в своей любви к Родине. Я очень люблю петь Клюева, потому что слова его стихов песенные. Ведь он сам говорил: “Мне не себя жалко, а жалко своих песен, “пчёлки мои жалят моё сердце”. Когда я пою Клюева, мне кажется, что я побывала в своём детстве, каком-то таком детстве, которое я даже не знаю, которое было в моей жизни, но я его плохо помню. Когда его поёшь, погружаешься в какой-то чудесный мир. Это даже не слова, это мелодия русского языка, которого теперь уже почти нет, и этой мелодией владеют только они – Есенин и Клюев”.

*И знакомые взору просторы
Уж не так под лунной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Опечалили русскую ширь...*

*Это всё, что зовём мы родиной,
Это всё, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней...*

Сопричастность со всем тем, что переживает его страна и его народ, тугая личная привязь к её беде и страданиям роднит Татьяну Петрову с Есениным, не говоря уже о наслаждении певицей музыкальностью его стиха и упоении красотой родной земли. “Мне кажется, что сейчас мы доросли до Есенина, –

сказал в том разговоре, к которому мы уже обращались, В. В. Кожин. — Он, действительно, говорил со всей Россией, а не с какой-то её частью, он умел обнять всё, и в этом, кстати, тоже его превосходство. Потому что другие поэты, если даже они и обращались то в одну сторону, то в другую, то как-то поочередно, и были, и сейчас есть такие, уже пожилые люди, которые в своё время были “ужасно советские”, теперь они “ужасно антисоветские”... Есенин этим не грешил. Он стремился увидеть Россию целиком”. И тем глубже и сильнее его страдания и его неспособность оторвать себя от её “тела” и души. К чести певицы Татьяны Петровой нужно сказать, что своим исполнением русской классики она выходит на высоту понимания трагедии своего народа.

Ей выпала счастливая судьба расти и развиваться в среде лучших людей России, не только оценивших её талант по достоинству, но и бережно хранивших и опекавших его. И мы прибегаем к мысли В. В. Кожина не только потому, что это один из образованнейших и светлейших умов России, но и потому, что Татьяна Петрова хранит уникальные воспоминания о заветных личных встречах с этим свободно и широко мыслящим достойнейшим русским человеком.

— Как вы познакомились с ним? — спросила я однажды Татьяну.

... Об этом он сам не раз рассказывал. Шёл один из вечеров памяти Николая Рубцова, который проходил в Центральном доме литераторов. Вадим Валерианович был его ведущим. А дальше я буду говорить от его лица, он так это рассказывал: “Вечер начинал выдыхаться, выступающие стали совсем неинтересными, повторяли один за другим уже не раз сказанное, и я решил выйти покурить, стоял за кулисами и собрался было совсем уж уйти, как вдруг услышал поющий голос. Я стал прислушиваться, голос затягивал меня, я подошёл ближе к залу, дверь была открыта, Татьяна Петрова пела песню на слова Рубцова “До конца, до тихого креста, пусть душа останется чиста...”.

Мне аккомпанировал Юрий Клепалов и пианист Геннадий Ехлаков.

Как потом говорил Вадим Валерианович: “Это стало для меня потрясением. Я не ушёл, вернулся в зал и слушал, и слушал”. После, уже за кулисами мы познакомились, беседовали. А потом стали большими друзьями. У меня есть диктофонная запись, сделанная в “Татьянин день”, когда я впервые решилась сделать концерт в ЦДРИ.

На творческий вечер я пригласила Вадима Валерьяновича. Он пришёл по первому зову, его выступление храню, как зеницу ока, потому что он сказал тогда очень важные слова о моём творчестве. Это был удивительный человек, при его сложной жизни ему столько раз пришлось пережить предательство, суровый антагонизм, но дух в нём жил мальчишеский. Он так искренне, так по-детски умел увлекаться! Да, я знаю это. Раз и навсегда, влюбившись в твоё пение, он был постоянен в своём чувстве, как чистый восторженный юноша, всех допекал вопросом: почему же вы не ходите на концерты Петровой?! Это был его постоянный вопрос.

В комнате давно сгустились сумерки. Мы сидели, не зажигая огня, каждая по-своему переживая жестокую несправедливость его раннего ухода из жизни. И вдруг показалось, а может быть, так и было, что воздух стал заполняться волнующими звуками — звучали колокола, и такая атмосфера разливалась вокруг, и так красиво и вдохновенно вплетался в перезвоны хрустальной чистоты изумительный, волнующий, завораживающий женский голос. Этот голос вёл и вёл мелодию, и мелодия эта была песней любви. Она была уже повсюду, она становилась мелодией души, которая живёт в нас постоянно, мелодия бесконечно любимой прекрасной моей Родины:

*Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он...*